

Ночная черта

Есси Юн

18+

Есси Юн

Ночная черта

«Автор»

2026

Юн Е.

Ночная черта / Е. Юн — «Автор», 2026

В своём мире она вскрывала грудные клетки и держала в ладонях человеческие сердца...В ту ночь привезли весьма странного пациента.Казалось, таких не существует ни в одном учебнике:на эхокардиограмме упрямо вырисовывалась всего лишь одна половина сердца, а вторая будто провалилась во тьму.Кардиомонитор в то же время то показывал идеальную прямую, то срывался в хаотичные пики.А чёрные глубокие глаза казались слишком спокойными для умирающего...И имя, которое он шептал, звучало как чужое слово из давно забытого языка.Всё происходило слишком быстро.Операция, сбой оборудования, вымотанное дежурство, нелепое ночное ДТП...Последнее, что она успела увидеть, прежде чем мир погас: над городом, как в чужом сне, висели две луны, а где-то вдалеке звенели колокола, опуская на улицы невидимую "Ночную Черту".Она приходит в себя уже под другим небом.

© Юн Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночное дежурство.	6
Глава 2. Путь к черте.	12
Глава 3. Новая жизнь под луной и не одной.	16
Глава 4. Первое утро, первый снег.	22
Глава 5. Павильон Пристани Снега.	27
Глава 6. Сильный. Опасный. Уверенный.	34
Глава 7. Лекарский корпус.	39
Глава 8. Утро Внутреннего дворца.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Есси Юн

Ночная черта

Ночная черта.

Глава 1. Ночное дежурство.

Вечер тянулся медленно, будто сама ночь не решалась войти в больницу.

Дежурство начиналось, как сотни других.

Линь Синь сидела в ординаторской, уткнувшись в экран. Она дописывала протокол дневной операции. За стеной глухо гудела вентиляция. В коридоре проплывали шаги медсестёр. Где-то пищали мониторы, и кто-то зевал так протяжно, что хотелось зевнуть в ответ.

Часы над дверью показывали без десяти одиннадцать. До конца смены — целая ночь.

Синь допила уже остывший кофе, посмотрела на дрожащий в кружке отражённый свет — белёсое пятно люминесцентной лампы — и поймала себя на мысли, что сердце у человека, в отличие от кофе, остывать не имеет права.

Иногда ей казалось, что вся её работа сводится к одной простой задаче: не дать этому внутреннему двигателю остановиться ещё пару лет, месяцев, а иногда — пару минут. В учебниках это называлось «продлением жизни». В реальности часто было похоже на торг.

В дверь постучали, и створка сразу приоткрылась.

— Доктор Линь, — заглянула дежурная медсестра, на ходу затягивая маску и поправляя шапочку. — Приёмное звонит. ДТП. Очень тяжёлое. Вас просят спуститься.

Синь автоматически сложила блокнот, сунула ручку в карман халата.

— Возраст? Состояние? — спросила поднимаясь.

— Мужчина. Тридцать лет. Давление скачет, пульс рвётся, как будто сердце само не понимает, жив он или нет. Анестезиолог говорит... — медсестра махнула рукой, — в общем, лучше сами посмотрите.

«Люблю я эти формулировки: *“лучшие сами посмотрите”*», — подумала Синь, выходя в коридор. Обычно за ними скрывалось что-то действительно неприятное.

Холодный линолеум, полосы света, запах антисептика и ночной пустоты — всё было до странного привычно. Лифт ехал медленно, как и всегда ночью, и этот ленивый ход только подчёркивал, насколько быстро иногда умеет решаться чужая судьба: пока кабина доедет до нужного этажа, чьё-то сердце может успеть остановиться и снова запуститься — или не успеть вовсе.

В приёмном отделении царил не обычная суматоха, а собранная тревога. Врач скорой отчитывался скороговоркой, медсёстры перекладывали пациента на каталку, к руке уже тянулись провода кардиомонитора.

— Что у нас? — Линь Синь подошла ближе.

Мужчина был бледен до синевы. Чёрные волосы слиплись от крови, тень щетины подчёркивала слишком чёткие скулы. На первый взгляд — обычный тяжёлый пострадавший: множественные ушибы, подозрение на травму груди. Таких она видела десятки. И всё равно каждый раз внутри что-то тихо сжималось: статистика статистикой, а вот он — конкретный человек, один из всех этих процентов.

Но монитор ЭКГ показывал странную картину.

Идеально ровная линия — несколько секунд. Потом резкий, одиночный всплеск, будто сердце ударило один раз, слишком сильно. И снова тишина.

— Плохой контакт? — пробормотала Синь, наклоняясь к пациенту.

Она проверила электроды: каждый плотно прилегал к коже, провода не болтались. Пальцы двигались автоматически, голова уже прикидывала варианты — тампонада, разрыв, аритмия, грубый сбой техники.

— Уже меняли, — отозвалась медсестра. — Не артефакт, доктор. Всё по-настоящему.

Давление скакало: то падало почти в ноль, то поднималось до цифр, которыми можно было бы похвастаться на профилактическом осмотре. Не удавалось определить группу крови. На экране портативного анализатора упрямо вспыхивало одно и то же:

«ОШИБКА. ПОВТОРИТЕ ПРОБУ».

На фоне капельницы и лекарств давление удавалось кое-как удерживать на «терпимом минимуме». Пациент был плох, очень плох, но не разваливался на глазах — тот хрупкий баланс, когда у команды есть несколько лишних минут, чтобы понять, что именно они собираются спасать.

— Это ещё что за цирк... — Синь нахмурилась. — Перезапускали?

— Три раза, — вмешался лаборант. — Даже реактивы меняли. Результат тот же.

Она взяла пробирку в руку. Кровь казалась чуть темнее обычной, гуще, плотнее. Когда лаборант поднёс к краю пробирки стеклянную палочку, капля не потекла, а словно отпрянула, не желая касаться стекла.

«Глупости, — сказала она себе. — Поверхностное натяжение, вязкость, что угодно. Не демоны же».

Где-то в глубине черепа, в том месте, где у людей обычно сидит суеверие, шевельнулось нехорошее ощущение. Но времени на него не было.

— Давайте ЭХО, — сказала Синь. — Прямо здесь.

Портативный аппарат ЭХОКГ уже катили к каталке; экран вспыхнул бледным светом. Врач-узист водил датчиком по груди пациента, на сером поле проступали дрожащие тени.

— Видите? — он ткнул пальцем в экран. — Здесь сокращается стенка... а дальше сигнал обрывается. Как будто половины сердца нет.

На мониторе одна часть сердца работала, как положено, вторая растворялась в серой дымке.

«Так не бывает, — подумала Синь. — Либо ткань есть, либо её нет. Но не “наполовину есть”».

Этого было достаточно, чтобы понять: без более детальной картинки они пойдут в операционную почти вслепую.

— Везём на КТ. Если дотянем, — сказала Синь. — У нас есть пару минут на снимки, не больше.

В коридоре отделения лучевой диагностики было тихо. Ночью здесь всегда особенно слышно, как работает воздух: шипят кондиционеры, щёлкают реле, гудит трансформатор — больница дышит сама по себе, независимо от тех, кто в ней лежит.

КТ-аппарат находился в том же блоке, что и операционные — это было единственной причиной, по которой доктор Синь вообще согласилась тратить время на снимки. Любой лишний метр коридора мог стоить ему жизни.

На мониторе КТ сердце пациента выглядело ещё страннее.

Одна половина — чёткая, с ясными очертаниями желудочка и предсердия.

Вторая — словно проваливалась в глубину экрана: контуры смазывались, часть структуры исчезала, будто кто-то стёр её ластиком и не додумал дорисовать обратно.

— Сбой реконструкции? — осторожно предположил молодой рентгенолог, сам не веря в собственные слова. — Можем прогнать повторно...

«Сбой, конечно, — машинально подумала Синь. — У нас всегда сбой: в программе, в поставках, в финансах. Только почему этот “сбой” дышит и вот-вот умрёт?»

Она ничего не ответила.

Смотрела на серо-белые срезы и чувствовала, как под лопатками тонкой струйкой стекает холодный пот.

Слишком много лет в хирургии научили её: внезапные аритмии, странные кривые, любые «чудеса» техники почти всегда имеют прозаическое объяснение. Но сейчас объяснение упрямо не находилось, и это раздражало. Она любила, когда мир складывается из причин и следствий, а не из мигающих ошибок.

— Ладно, — тихо сказала она. — Дальше будем разбираться уже в операционной. Иначе он всё равно не доживёт.

Пациента тут же повезли обратно. Пока каталка гремела по коридорам, Синь по телефону согласовала экстренную операцию с заведующим, анестезиолог оформлял минимум бумаг и поднимал свою бригаду. Закон, конечно, любил подписи и печати, но смерть обычно действовала быстрее.

Операционная встретила её резким холодом и ослепительным светом лампы.

Медсёстры раскладывали инструменты: скальпели, зажимы, иглы, шовный материал. Анестезиолог проверял настройки аппарата ИВЛ, анестезист готовил шприцы.

— Давление держится? — спросила Синь, обрабатывая руки.

— Как на американских горках, — мрачно ответил анестезиолог. — Но, по крайней мере, пока не на нуле.

Она надела перчатки, маску, подняла взгляд на пациента.

Он лежал спокойно, даже слишком.

Лицо — бледное, но черты правильные, почти красивые: ровная линия губ, высокая переносица, длинные ресницы. Казалось, убери из кадра все трубки, вытри кровь, немного припудри и можно будет решить, что он просто спит.

«Если бы я увидела его в метро, — подумала Синь, — решила бы, что он тот самый удачливый тридцатилетний с нормальным давлением и погашенной ипотекой. И уж точно не человек, у которого половина сердца потерялась где-то в тени».

— Начинаем, — сказала она, и голос под маской прозвучал глухо, как из-под воды.

Разрез. Доступ. Грудная клетка раскрывается под ровным треском костных щипцов.

Кровь выступила тёмной волной и сразу начала вести себя странно: не стекала привычными дорожками, а собиралась плотными каплями, отступая от металлических краёв, словно металл её отталкивал.

— Видите? — шёпотом спросила медсестра.

— Потом обсудим, — отрезала Синь. — Сейчас — работать.

Руки двигались по привычной схеме, тело помнило каждое движение. Но в какой-то момент она поймала себя на том, что прислушивается не только к отсосу и щелчкам инструментов. Где-то в глубине операционной, будто под полом, мерно отдавался едва слышный звон.

Раз.

Ещё раз.

Как будто далеко-далеко бил тяжёлый колокол.

«Нервы, — сказала она себе. — Просто нервы. Слишком много кофе, слишком мало сна».

— Вам не кажется, что... — начал анестезиолог и оборвал фразу. Лампы над столом на мгновение дрогнули, тень качнулась по стене. На мониторе ЭКГ ровная линия вдруг вспухла острым пиком, похожим на один-единственный крик, и снова растянулась в тишину.

Пациент открыл глаза.

Это произошло настолько быстро, что Линь Синь сперва решила, что ей показалось.

Но под маской она почувствовала, как холодеет кожа.

Глаза были странные: настолько тёмные, что граница зрачка терялась. В этом взгляде не было паники, боли, анестезионного тумана — только спокойное, внимательное изучение, будто он смотрит не на врача, а куда-то сквозь неё, дальше.

Его губы чуть шевельнулись.

Сквозь шум аппаратов Синь уловила едва слышный шёпот — два незнакомых слога. Имя, которого она никогда раньше не слышала и которое, странным образом, отозвалось у неё под сердцем тёплым, тугим кольцом.

«Е Юэ»

Она моргнула, и глаза пациента снова закрылись.

Монитор пискнул, кривая на ЭКГ пошла ровно.

— Видели? — прошептал анестезист.

— Рефлекс, — слишком быстро сказала Синь. — Работайте.

Но руки на секунду выдали её — чуть дрогнули над раной. Она сжала пальцы в перчатках, заставляя себя вернуться к знакомой механике, к швам и зажимам, к тому, что поддаётся объяснению. В конце концов, она хирург, а не герой мистического романа. И этот мужчина нуждается не в испуге, а в грамотном шве.

Они боролись за его жизнь долго.

Слишком долго для ночного дежурства.

Кровь вела себя как живая, раны закрывались не так, как должны, сердце упрямо отказывалось подчиняться обычной физиологии. Каждый раз, когда казалось, что всё кончено, мониторы на секунду вспыхивали активностью и тут же замирали. Было ощущение не борьбы, а странного перетягивания каната: кто-то невидимый тянул его к жизни, кто-то — прочь.

В конце концов цифры стабильно ушли в ноль.

Все кривые выровнялись в прямые. Анестезиолог молча выдохнул и начал отключать аппаратуру.

— Время смерти два часа две минуты, — тихо произнёс он и глубоко вздохнул.

В эту же секунду Синь почувствовала, как её собственное сердце сбивается с ритма.

Один лишний удар, другой — слишком сильный. В груди будто на миг перевернули тяжёлый камень.

«Только этого не хватало», — раздражённо подумала она, но пальцы непроизвольно сжались на краю стола.

— Доктор Линь, вы бледная, — заметила медсестра. — Всё в порядке?

— Нормально, — ответила Синь. Голос прозвучал хриловато. — Просто устала.

Она стояла, глядя на раскрытую грудную клетку.

Казалось, под её ладонью всё ещё живёт инерция удара: будто сердце продолжает биться, только где-то в другом месте. Где-то там, где, возможно, тоже слышны эти странные колокола.

Один удар.

Два.

Три.

Синь выдохнула, сняла окровавленные перчатки и отступила от стола.

— Оформляйте документы, — сказала она. — Я зайду в ординаторскую, подпишу протокол.

В ординаторской она опустилась на стул и на мгновение закрыла глаза. Сердце ещё немного барахталось в груди, как испуганная птица, потом успокоилось.

«Прекрасно, — подумала она. — Ещё чуть-чуть, и я сама стану пациентом. Но тогда уже некому будет меня оперировать».

В дверь снова заглянул анестезиолог.

— Доктор Линь, — осторожно сказал он. — Вам бы лучше домой. Ночь только началась, а вы... честно, вы сейчас совсем неважно выглядите.

— У меня ещё дежурство, — автоматически возразила она.

— Я поговорю с заведующим, — упрямо сказал он. — Запасной хирург подъедет. Вы сегодня уже сделали больше, чем положено. И сердце у вас, простите, не из титана. Не надо проверять это экспериментально.

Она хотела возразить, потом махнула рукой — почти так же, как несколько часов назад медсестра в её кабинете.

— Ладно. Подпишу бумаги и поеду, — решила Синь. — Всё равно толку от меня сейчас немного.

Ночь формально только начиналась, но внутри у неё было странное ощущение, будто смена уже закончилась.

Словно вместе с этим пациентом незаметно что-то оборвалось в её собственном мире.

Глава 2. Путь к черте.

Линь Синь медленно переоделась, почти не глядя на собственные движения. Халат, шапочка, маска — всё ушло в привычную корзину, осталась только белая полоса от резинки на коже, давшая о себе знать тупой головной болью.

В шкафчике висела её обычная «гражданская» одежда: тёмные джинсы, свитер, лёгкое пальто. Такая же, как и у половины города. Удивительно, как легко человеку сменить оболочку: ещё минуту назад ты — главный хирург ночной смены, через минуту — уставшая женщина, которая думает о том, зайти ли в магазин на углу улицы или сразу домой.

Сердце ещё время от времени подбрасывало лишний удар, как непослушный мячик. Синь прислушалась, но не профессионально, а по-человечески, с лёгким раздражением.

«Ну-ну, — сказала она мысленно своей груди. — Только не ты. Одного странного больного на сегодня и так достаточно».

Она взяла сумку, проверила привычную тройку: телефон, ключи, документы. Телефон молчал. В мессенджерах ни новых сообщений, ни пропущенных вызовов. И от этого стало как-то пусто. Было бы даже проще, если бы кто-то написал что-то тупое вроде: «Ты ещё на работе? Кашу поставь, как придёшь».

Но дома никто не ждал. Разве что две кружки в сушилке: та, что для утреннего кофе, и та, что «на всякий случай, вдруг придёт кто-то ещё», и так уже год стоящая почти без дела.

В холле больницы пахло смешанно: дезинфекцией, уличным воздухом и слегка выветрившимся за день потом. Ночные дежурные охранники сидели у мониторов, мерцавших чёрно-белыми прямоугольниками камер. Один поднял взгляд и коротко кивнул. Они уже давно обменивались этим кивком, как старым паролем.

— Поздняя ночь, — вздохнул он. — Берегите себя, доктор Линь.

— Постараюсь, — ответила она. — Вы тоже.

Автоматическая дверь мягко разошлась, выпуская её наружу.

Ночь обняла город прозрачным, чуть влажным полумраком. Асфальт поблёскивал после недавнего дождя, фонари размывали свои круги в лужах. Машин было немного: поздний час, когда большинство нормальных людей уже дома, а ненормальные — либо на работе, либо в барах.

Холодный воздух пах бензином и мокрым бетоном. Где-то вдали тянулся гудок поезда, и Синь вдруг подумала, что этот звук очень похож на линию ЭКГ: ровный, слышимый, пока не оборвётся.

Она дошла до парковки для сотрудников. Её старенький седан стоял там, где она его и оставила — единственное живое пятно среди металлических масс. Машина заводилась не с первого раза, но Синь её любила за то, что она заводилась хоть как-то.

— Ну давай, — пробормотала она, устраиваясь за рулём.

Мотор пару раз кашлянул и нехотя поймал ритм. Линь Синь включила фары, и перед ней вспыхнула полоска мокрого асфальта.

На секунду она просто сидела, держась за руль, и смотрела вперёд. В голове возвращалась картина: чужое сердце, половина которого уходила в никуда. Глаза — слишком тёмные. Имя — странное, непонятное, но застрявшее в памяти как заноза.

«Просто случай, — упрямо сказала себе Синь. — Не самое понятное сочетание травмы, анатомии и сбоя техники. Бывает. Всегда бывает что-то, чего ты до конца не знаешь. Теперь живи с этим».

И всё равно внутри скреблось ощущение, что она что-то упустила. Как будто была дверь, в которую она могла заглянуть, но прошла мимо, сославшись на протокол.

Она включила радио, но вылезла только пустая станция с шипением. Выключила. Ночной город не нуждался в музыке — у него была собственная.

Дорога домой казалась знакомой до мелочей. Перекрёсток с неоновым киоском, который почему-то работал в любое время дня и ночи. Длинная прямая над рекой. Светофор, который упорно загорался красным, даже если по боковым улицам не было ни одной машины.

Линь Синь ехала аккуратно, не спеша. Знала, что усталость — такой же фактор риска, как и алкоголь. За годы дежурств она видела слишком много людей, которые думали, что «дотянут» ещё пару километров, а потом приезжали к ней на стол.

Город за окном был похож на пациента в состоянии медикаментозной седации: подсвеченный изнутри, но спокойный, без резких движений. В окнах домов кое-где ещё горели жёлтые прямоугольники — чьи-то чужие бессонницы.

На очередном светофоре она остановилась и поймала себя на том, что считает удары собственного сердца: раз, два, три...

Ровно. Чуть быстрее нормы, но ровно.

«Молодец, — иронично подумала она. — Ещё немного и будешь прослушивать себя фонендоскопом на кухне перед сном».

Загорелся зелёный, машина тронулась.

Участок дороги перед больницей Синь любила меньше всего. Широкий проспект, по обеим сторонам которого выстроились стеклянные офисы. Днём они сияли рекламой и логотипами, ночью превращались в тёмные аквариумы, в которых иногда шевелились одинокие фигуры чистильщиков или ночных айтишников.

Асфальт здесь был идеальным, разметка — свежей, фонари — яркими. Казалось, сама дорога намекает: «Поезжай, здесь безопасно. Здесь всё под контролем».

Именно здесь ей впервые показалось, что-то не так.

Сначала — звук. Не привычный шум шин по мокрому покрытию, не отдалённый вой мотоцикла, а какой-то чужой, глухой стук, будто по мостовой катили что-то тяжёлое.

Синь машинально сбросила скорость. Приоткрыла окно — ночной воздух хлынул внутрь прохладой. И звук стал чётче.

Цок. Цок. Цок.

Так стучат копыта по камню.

Не по асфальту — по камню.

— Глупости, — вслух сказала Синь, хотя в машине кроме неё никого не было.

Но звук усиливался. Тяжёлое, размеренное цоканье, к которому примешивался скрип дерева и металлический лязг, как если бы рессоры что-то несли на себе, тяжёлое и несуществующее.

Синь подъехала к следующему перекрёстку и увидела их.

Посреди идеально ровного, мокрого проспекта, под ровными рядами фонарей шла повозка.

Да-да. Самая обычная, из каких-то старых фильмов о прошлом веке: тёмный лакированный кузов, большие деревянные колёса с металлическим ободом, запряжённая парой вороных лошадей. Лошади шли спокойным, уверенным шагом, пар поднимался от их ноздрей, как будто было не плюс десять, а январский мороз.

Повозка двигалась по полосе встречного движения, прямо на неё.

И ни одна машина, кроме её собственной, на дороге не ехала.

«Съёмки? — машинально подумала Синь. — Ночной дубль, перекрыли движение?»

Но вокруг не было ни конусов, ни людей в жилетках, ни камер. Только она, её машина и повозка, которая по всем правилам должна была быть невозможной.

Хороший врач быстро умеет отделять фантазию от факта. Синь глубоко вдохнула, сжала руль.

«Устала. После ночной операции мозг подсовывает тебе чепуху. Сейчас разъедетесь, и ты доедешь домой, примешь душ и будешь орать на себя, что ведёшь машину в таком состоянии».

Она переключилась на пониженную, собираясь аккуратно сместиться вправо, дать «съёмочной группе» или своему галлюциногенному экипажу проехать. Но повозка не смещалась. Она шла прямо по центру её полосы.

Фары выхватывали детали: мокрая чёрная шерсть лошадей, блеск металла на упряжи, деревянный борт, слегка обитый тканью. На козлах кто-то сидел, закутанный в плащ, — лицо терялось в тени широкополой шляпы.

«Актёр, — подумала Синь. — Или смерть. Прекрати».

Она ударила по клаксону.

Звук прорезал ночь резким, раздражённым криком. Повозка никак на него не отреагировала. Лошади не вздрогнули, не ускорились, не повернули головы. Они продолжали идти вперёд, точно по траектории её фар.

И тогда случилось то, что она запомнила до мельчайших деталей.

Время не просто замедлилось — оно как будто переломилось.

Фары её машины вытянулись в длинные, вязкие лучи, дорожная разметка растаяла, превратившись в белые полосы, уходящие куда-то вверх.

Звук мотора исчез.

Остался только ритмичный, чужой звон — тот самый, который она слышала в операционной. Только теперь он был громче, чем когда-либо.

Бум.

Бум.

Бум.

Колокола. Тяжёлые, старые, бьющие где-то далеко над городом или прямо у неё внутри, в грудной клетке.

Повозка не столько столкнулась с её машиной, сколько прошла сквозь неё. В какой-то момент кузов занял всё пространство лобового стекла, и Синь увидела, как по лакированной древесине пробегает отблеск её же собственных фар, как в зеркале.

Лошадиные морды оказались совсем близко: влажные ноздри, блеск глаз, от которых по коже побежали мурашки. В этих глазах тоже не было ни страха, ни злости — только странное, чужое знание, как во взгляде пациента на операционном столе.

В тот миг, когда они «столкнулись», она не почувствовала удара.

Не было характерного рывка, скрипа металла, вопля тормозов. Вместо этого — ощущение, что её машину обволокли со всех сторон густой, тяжёлой водой. Руль выскользнул из рук, тело не подбросило вперёд — его мягко вытянуло вверх, как будто ремень безопасности превратился в невесомую ленту.

Дыхание перехватило.

В груди сердце на секунду остановилось, а потом ударило так сильно, что она почти услышала этот удар всем телом.

Мир вокруг вспыхнул.

Сначала — ослепительный белый.

Потом белый распался на другие цвета: красный — фонари, жёлтый — окна домов, чёрный — провал между ними.

И небо, на котором висели две луны.

Одна — крупнее, теплее, с лёгким янтарным отблеском.

Другая — бледная, холодная, как разрезанный пополам медицинский фонарик. Они висели рядом, словно два глаза, наблюдающих за происходящим с высоты. Между ними тонкой дугой тянулась тень — похожая на черту на коже запястья, только растянутая над всем небом.

«Так не бывает», — последняя внятная мысль успела промелькнуть у неё в голове.

Колокола ударили ещё раз — прямо в грудь.

Мир сложился вовнутрь.

Синь не почувствовала, как закрыла глаза.

Просто в какой-то момент стало темно — не как в выключенной комнате, а как бывает на глубине, когда ты ныряешь слишком далеко и уже не знаешь, где верх.

Она не услышала ни звона стекла, ни сирен.

Только собственный пульс, который бился всё тише, тише...

Пока не превратился в тонкую линию, готовую оборваться.

А потом исчезла и линия.

Глава 3. Новая жизнь под луной и не одной.

Сначала был звук.

Не сирена, не сигнал кардиомонитора, не тревожный писк аппаратов, а мягкий, густой звон — как если бы кто-то бил в колокол, обмотанный тканью. Голос металла, приглушённый, но упрямый.

Потом — холод. Камень под спиной, сырой воздух, запах пыли и мокрой земли.

Синь попыталась вдохнуть глубже и закашлялась. Лёгкие отреагировали так, будто она всю ночь дышала через фильтр с пылью. Боль в рёбрах была знакомой: так ноют кости после удара ремнём безопасности.

«Жива?» — спросила она у себя, ещё не решаясь открыть глаза.

Вопрос был профессиональный. Она быстро прошлась по телу, как по чек-листу:

пальцы — двигаются;

ноги — слушаются;

голова — кружится, но не так чтобы мир перевернулся.

Боль есть. Значит, сознание тоже.

Она открыла глаза. Небо над ней было чужим.

Чёрное, как в городскую ночь после дождя, но слишком глубокое. Без привычной дымки, без пятидесяти оттенков серого от подсвеченных облаков. Чёрное. И в нём две луны.

Одна — крупнее, желтоватая, с мягким ореолом, словно её нарисовали кистью по тёмной бумаге.

Другая — бледная, почти белая, будто вырезанная из льда.

Они висели рядом, как два глаза, смотрящие сверху, и между ними тянулась тонкая тёмная дуга, похожая на шрам.

«Кома, — подумала Синь. — Травма головы. Галлюцинации. Отлично. Ты сама себе учебник по неврологии».

Она попыталась приподняться. Ткань под ладонью оказалась шершавой, плотной: явно не больничная простыня, а под пальцами ощущались камень и песок.

— Она шевельнулась! — где-то рядом раздался мужской голос. Низкий, с чуть растянутыми слогами. — Лей Ху, фонарь ближе!

Рядом вспыхнул тёплый жёлтый свет. Не люминесцентный белый больничный, не холодный диодный, а свет фонаря, настоящего, на масле или чём-то похожем. Пламя дрогнуло, высветив над ней силуэты.

Двое мужчин в доспехах наклонялись к ней. Не полицейская форма, не экипировка скорой помощи, а лакированные пластины и тёмная ткань. На груди — вышитый знак, похожий на стилизованную луну, перечёркнутую линией. На поясе — мечи: не резиновые, не декоративные. Металл поблёскивал слишком честно.

Один из них поднёс фонарь ближе к её лицу и тихо выругался.

— Небо... — прошептал он. — Это правда она.

Синь открыла рот, чтобы сказать что-нибудь рациональное: «кто вы», «где я», «вызовите скорую». Но вместо этого услышала свой голос, произносящий:

— Что... случилось?

Язык слушался. Но слова прозвучали иначе. Не совсем по-китайски, не так, как она привыкла. Как будто мозг взял её фразы и перевёл на другой язык, а уши уже приняли готовый результат. Она поняла то, что сказала, но не смогла бы записать это знакомыми иероглифами.

«Отлично, — отметила Синь. — Глюки с языком. Неврология становится всё интереснее».

Второй стражник опустил на колено, чуть наклонив голову.

— Ваше Высочество, — сказал он осторожно. — Вы... помните меня?

«Ваше... что?» — Синь на секунду перестала дышать.

Она перехватила дыхание и попыталась взглянуть на себя.

На ней было не пальто и не джинсы. Длинная, тяжёлая ткань, пропахшая сыростью и чем-то сладковатым, обнимала тело. Рукава — широкие. Подол — сложный, с вышивкой, местами подранный и запачканной грязью. На груди, на уровне ключиц, сверкнул металлический отблеск.

Синь нащупала его рукой. Пальцы наткнулись на холодный металл: подвеска на шнуре, круглый медальон с выбитым символом — два полумесяца, обращённые спинами друг к другу, и тонкая линия между ними.

Один из стражников кивнул на знак, будто это объясняло всё.

— Принцесса Юэ, — сказал он уже увереннее. — Дом Е не зря молился. Вас нашли до того, как ударил третий колокол.

«Принцесса... Юэ, — машинально повторила она. — Юэ. Луна».

Имя больно отозвалось где-то глубже, чем просто в памяти: в том месте, где ещё совсем свежим шрамом сидел шёпот умирающего пациента.

Двоим незнакомым мужикам, которые обращались к ней как к принцессе, надо было либо посочувствовать, либо сдать анализы.

Но Синь лежала на каменной дороге, в чужом платье, под двумя лунами, и мозг упрямо отказывался принимать версию «декорации» и «съёмки фильма» — слишком уж всё хорошо пахло, дышало и болело.

— Я... упала с коляски? — спросила она первое, что пришло в голову.

Стражники переглянулись.

— С кареты. Вы исчезли прошлой ночью, — медленно произнёс тот, что с фонарём. — Вышли за Ночную Черту... и не вернулись. Вас искали всё утро. Вечером господин-командир приказал прекратить поиски.

Второй виновато опустил взгляд.

— А мы всё равно продолжили обход, Ваше Высочество. И... вот.

«Ночная Черта. Две луны. Господин-командир. Прекрасно», — подумала Синь. Где-то в глубине поднялось раздражение: её, похоже, уже записали в чьё-то ведомство.

— Я... не помню, — честно сказала она.

Слова сорвались легко, как если бы она призналась в головной боли после наркоза. Стражники снова переглянулись и их лица на секунду дрогнули.

— Это... после Черты бывает, — осторожно выдал фонарщик. — Главное, что вы живы.

Он подал знак другим. Из темноты выкатили носилки: деревянные, с натянутой тканью. Никаких колёс, никаких амортизаторов. Синь вспомнила больничные каталки и подумала, что её спина ещё успеет по ним соскучиться.

— Осторожно, — сказал стражник. — Император должен знать, что вы вернулись.

Император. Прекрасно. Ещё один человек, которому она что-то должна, ещё до того, как разобралась в собственном пульсе.

Её бережно переложили на носилки. Она попыталась возразить. Профессиональный рефлекс: «Я сама дойду, мне не так плохо». Но тело в ответ полыхнуло болью в ребрах и коленях.

«Хорошо, ладно, — мысленно подняла руки. — Сегодня вы меня. Завтра — я вас. Если наступит вообще завтра».

Дорога до дворца, она не сомневалась, что это будет дворец, была похожа на бред, в котором слишком много деталей.

Носилки качались на плечах четырёх носильщиков. Над ними покачивались фонари, отбрасывая на стены домов золотые пятна. Дома тоже были чужими: крыши с изогнутыми углами, красные балки, тёмные двери с латунными кольцами. Ветер приносил запахи: дым, ночные цветы, жареную лапшу, пряности, ещё какой-то металлический оттенок, который она не могла узнать.

«Если это кома, — подумала Синь, — мой мозг слишком старательно работает художником по декорациям. Может, он решил, что анестезия была плохой, и теперь мстит».

Где-то вдали протянулся удар колокола.

Звук был грубее, чем в больнице, реальнее. Он проходил через стены и кости, как ультразвук, отзываясь в груди. Синь почти физически почувствовала, как этот звон стягивает на город невидимую сеть.

— Второй колокол, — тихо сказал один из носильщиков. — Успели.

— До третьего нужно быть внутри ворот, — отозвался другой. — Иначе...

Он осёкся, взглянув на носилки, словно не хотел при принцессе заканчивать фразу. Синь неожиданно захотелось, чтобы он всё-таки договорил. Она ненавидела недосказанность почти так же, как непонятные диагнозы.

«Иначе что? Вас съедят? Вы исчезнете? Вас переведут в другое отделение?» — язвительно подумала она. Но рот так и не открылся.

Ворота дворца были высокими, как фасад хорошей клиники, и такими же безжалостно закрытыми. Красное дерево, золотые гвозди, массивная поперечная балка — всё это казалось лишним театром, но деревянные створки открылись без скрипа, послушно, как автоматические двери в приёмном покое.

Во дворе было светло. Фонари висели рядами, освещая каменные плиты и кусты, уходящие в темноту павильоны. Где-то журчала вода — ровный, успокаивающий звук. Синь даже на секунду представила себе этот сад днём, без всего этого ночного маскарада.

— Позовите лекаря, — приказал один из стражников. — И Ли-гуна, пусть сообщит во внутренние покои.

Её донесли до какого-то крытого перехода, и там наконец поставили носилки на низкую деревянную лавку. Тут же вокруг возникли силуэты: женщины в светлых одеждах, старик с длинной бородой и ящичком, похожим на старую аптечку, худой человек в тёмном одеянии с аккуратным лицом — явно кто-то вроде евнуха или управляющего.

Все они смотрели на неё так, как смотрят на редкое, опасное лекарство: очень нужно, но можно отравиться.

— Ваше Высочество, — первым поклонился худой. — Дом Е трепетно благодарит небо за ваше возвращение.

Синь посмотрела на него. Ей вдруг захотелось спросить: «А до этого вы тоже трепетно благодарили, когда отправили меня “за Ночную Черту”?» Но память, как назло, отказывалась выдавать хоть что-нибудь из прошлой жизни здесь.

— Я... устала, — сказала Синь. Это была не игра, а чистая правда.

— Разумеется, — кивнул худой. — Ли Сюнь сопроводит вас в ваши покои. Лекарь осмотрит там.

Слово «лекарь» почему-то чуть успокоило. Профессиональный рефлекс: где есть коллега, там есть шанс на разговор о теле, а не о богах.

Комната, в которой её поселили, была слишком большой для одного человека. Высокий потолок, резные балки, керамические вазы в углах, ширмы с нарисованными журавлями. Кровать — широкая, с деревянным каркасом и тонким пологом.

Синь уложили на неё, как укладывают дорогую фарфоровую вазу: бережно, но с лёгким страхом уронить.

Лекарь, тот самый старик с ящичком, подошёл ближе. Его руки были сухими, точными. Он потрогал её запястье, посчитал пульс, приложил к щеке металлическое зеркальце, заглянул в глаза.

«Вот сейчас он скажет: “У вас сотрясение, давление низкое, отдыхайте”, — почти усмехнулась Синь. — И я проснусь в своей ординаторской. Или не проснусь».

— Пульс сбивчив, но живой, — произнёс старик. — Холод в конечностях, след от удара здесь и здесь... — он легко коснулся её виска и груди. — Ваша кровь, Ваше Высочество, ещё держит вас по эту сторону.

Выражение «по эту сторону» ей не понравилось.

— Я не... была... по другую, — машинально возразила Синь.

Лекарь посмотрел на неё внимательно, слишком внимательно для просто старика с ящичком.

— После Ночной Черты многие не возвращаются, — сказал он спокойно. — А вернувшиеся иногда теряют часть... себя. Память. Имя. Смысл. Если вы помните, кто вы — это уже дар.

«Я помню, — подумала она. — Я — Линь Синь. Кардиохирург. Стаж — десять лет. Последний пациент — мужчина, тридцати лет, с половиной сердца в тени. Последняя картинка — две луны. А здесь вы все говорите, что я — принцесса Юэ. Чудесный диагноз».

Вслух она сказала другое:

— Я помню... не всё.

Это тоже было правдой. Только список «не всего» и «лишнего» был слишком странным. Лекарь кивнул.

— Память может вернуться. Или нет. Сейчас важно, что вы живы. — Он помедлил и добавил: — Император... велел сообщить, когда вы очнётесь. Думаю, ночью он не придёт.

Синь вдруг ощутила странное облегчение от этих слов — будто кто-то отменил очередное тяжёлое совещание. Быть выставочной дочерью перед императором, когда ты даже не уверена, что эта дочь ты — задача явно выше её текущих сил.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Ночью... мне и не нужно, чтобы кто-то приходил.

Когда слуги вышли, в комнате стало тихо. Только за окном шуршали деревья и где-то далеко перекликались ночные птицы. Синь осталась одна: она и чужая, слишком большая кровать.

За стеной что-то шуршало. Сначала Синь решила, что это просто ветер гоняет по двору листья, но потом различила голоса: приглушённые, торопливые.

— Говорят, завтра может пойти первый снег, — шёпотом сказала одна женщина. По звуку — молодая служанка. — Астролог ещё днём говорил: если до первого снега Е-гуньян не найдут, дому Е не обернуться беды.

— Тише, — одёрнула её другая, голос старше, осторожнее. — Такие слова стены слушают. Но... — она понизила голос ещё сильнее, — небеса смиростивились. Принцессу Юэ нашли до третьего колокола. Значит, Черта стоит, договор держится.

— Ты её видела? — не унималась первая. — Глаза... будто не те. Смотрит, как... не знаю. Как человек, который вернулся не только с ночи, но и ещё откуда-то.

— После Ночной Черты люди всегда немного... другие, — сухо ответила старшая. — Главное, что она жива. Пусть дом Е теперь сам разбирается, что ему послали: спасение или новое знамение.

Шаги удалились. За стеной снова осталась только тишина — и это слово, зацепившееся в голове: «первый снег».

«До первого снега... успели, — подумала Синь. — Успели вернуть принцессу. А меня кто вернёт?»

Она подняла руку к лицу. Кожа была той же, что и всегда. Пальцы — те же. Она нащупала запястье. Там, где раньше был след от часов, теперь темнела тонкая линия — ровная, как чернила, чуть холодная на ощупь, словно кожа там помнила ледяное прикосновение.

«Личная Ночная Черта?» — подумала она.

Линия шла поперёк запястья, чуть выше, чем обычно носят браслеты. Ни царапина, ни синяк, а знак.

Синь закрыла глаза. Перед ней снова всплыли: белый круг операционной лампы, чёрные глаза пациента, лязг колокольного звона внутри груди, повозка, две луны. И голос: имя, которое она слышала в операционной. Юэ.

Она вдруг очень ясно поняла: где-то в этом мире есть тот, кто знает её как принцессу Юэ и как женщину, которая просто делала свою работу, стоя над его вскрытой грудной клеткой.

И этот кто-то явно связан с Ночной Чертой куда крепче, чем она сейчас связана с собственным телом.

— Прекрасно, — прошептала Синь в темноту, на этот раз уже по-китайски. — Добро пожаловать, Линь Синь. Новое отделение. Новая должность. Принцесса-кардиохирург, потерявшая свой мир по дороге домой.

За окном негромко ударил колокол.

Ночь опустилась на город окончательно.

Глава 4. Первое утро, первый снег.

Линь Синь проснулась от холода.

Не от того, от которого сводит пальцы на ногах, а от прозрачного, утреннего: когда воздух ещё не успел прогреться, а изо рта впервые за сезон идёт лёгкий пар.

Линь Синь какое-то время просто лежала, глядя в резной потолок. Деревянные балки, крашенные в красное, уходили ввысь как в старом храме. Зелёные и золотые завитки, журавли, пионовые цветы. В больнице над её головой обычно висела либо лампа, либо серый потолок с трещиной. Здесь всё слишком старательно было красивым.

Тело отзывалось сонной тупой болью: ребра, плечи, шея. Голова стала чуть яснее, но стоило попытаться вспомнить события ночи, как в висках снова тяжело толкалось сердце.

«Автомобиль. Повозка. Две луны. Принцесса Юэ», — перечислила она мысленно, как диагнозы в приёмнике.

Кто-то тихо шевельнулся за ширмой.

— Ваше Высочество? — несмелый голос, молодой, женский. — Вы... проснулись?

Синь повернула голову. Полог кровати чуть дрогнул, и в просвете показалось осторожное лицо: круглое, с румяными щеками и настороженными глазами. Девушка в простом светлом стёганом одеянии, тёмные волосы собраны в пучок, на поясе — связка маленьких ключей.

— Да, — ответила Синь. Голос прозвучал хрипло, но послушно. — Кажется.

Лицо за ширмой словно одновременно и обрадовалось, и испугалось.

— Тогда я войду, Ваше Высочество? Вэнь-мама сказала, как только вы очнётесь... надо сразу сообщить.

«Вэнь-мама. Конечно. Где принцесса — там всегда есть кто-то с “мама”», — устало подумала Синь.

— Входи, — сказала она.

Ширма отодвинулась, открывая комнату шире. Вошла не только девушка, но и холодный воздух — кто-то приоткрыл ставни. За ними, в прорезе, виднелся двор: серый камень, тёмные стволы деревьев и редкие белые хлопья, медленно падающие с неба.

Снег.

Пока ещё не настоящий снегопад, а первые, осторожные хлопья: один комочек прилип к раме и растаял, оставив прозрачный круг, а другой упал на каменную плиту и тоже исчез.

— Первый снег... — выдохнула девушка почти благоговейно, бросив взгляд во двор, а потом тут же опомнившись. — Простите, Ваше Высочество. Это... я А-Жу. Меня приставили служить вам.

Имя всплыло в памяти откуда-то из ночи — из шёпота за стеной.

"Наверно та самая, болтливая," — подумала Линь Синь.

— Значит, первый снег, — тихо сказала Синь, всматриваясь в белёсые точки за окном.
— А я всё ещё жива.

А-Жу дёрнулась.

— Конечно, жива! — торопливо сказала она. — Небеса милостивы. Нас всех очень... очень встряхнуло, когда вы пропали, принцесса. Вэнь-мама говорит, дом Е без вас словно без опоры.

В дверях слышались шаги: чуть тяжёлые, уверенные. Вместе с шагами вошёл знакомый запах: лекарственные травы, сухие корни, немного смолы. В комнату вошла пожилая женщина с аккуратно убранными в узел седыми волосами и строгими глазами.

"Вэнь-мама," — догадалась Синь.

Следом за ней — вчерашний лекарь с ящичком.

— Ваше Высочество, — Вэнь-мама поклонилась так низко, что заломилась ткань на спине. — Как вы себя чувствуете?

«Как человек, у которого вчера была открытая грудная клетка. Но это был не я», — подумала Синь.

— Головокружение, — сказала она. — Небольшая тошнота. Ребра болят. Но... лучше, чем ночью.

Лекарь подошёл ближе, опять взял её запястье. Его пальцы были сухими как ветки. Он считал пульс, чуть прищурившись.

— Пульс всё ещё неровен, — пробормотал он. — Но уже ближе к жизни, чем к ночи.

— К какой? — автоматически спросила Синь. — К этой или к той?

Он на секунду задержал на ней взгляд. В глазах мелькнуло нечто вроде интереса, но он быстро спрятал его.

— Вы помните, что Ночная Черта осталась позади, Ваше Высочество? — спокойно спросил он. — Этого достаточно для начала.

«Я помню, что вчера ночью я была Линь Синь, а сегодня утром вы называете меня "Ваше Высочество"», — хотелось ответить, но язык удержался.

— Я помню... немного, — сказала она. — Остальное как сон.

Вэнь-мама обменялась с лекарем быстрым взглядом.

— Сны после Ночной Черты лучше не рассказывать вслух, принцесса, — тихо сказала она. — Небеса слушают.

А-Жу сжалась, прижав к себе связку ключей, будто ожидала, что молния ударит прямо в потолок.

Лекарь ещё раз проверив пульс, сдержанно поклонился.

— Остальное сделают покой и травы, — произнёс он. — Я загляну позже.

Он отступил к двери и вышел, дверь за ним закрылась мягко, почти неслышно. В комнате снова остались только трое: принцесса на широкой кровати, Вэнь-мама и А-Жу.

— Не стой столбом, — тихо бросила Вэнь-мама. — Принцессе нужно умыться.

Она хлопнула в ладони, и из-за ширмы откатили низкий столик. На него поставили медный таз, от которого потянуло паром и лёгким запахом трав. А-Жу поспешно поднесла к кровати чистые полотенца.

Линь Синь приподняли — аккуратно, подложив ей под спину подушки, чтобы не тревожить рёбра. Её умывали тёплой водой с чуть заметным горьковатым ароматом. Вэнь-мама руководила, А-Жу бегала с тазиками и полотенцами, спотыкаясь о собственный подол. Синь позволяла им делать свою работу, наблюдая за собой так, как обычно наблюдала за пациентом перед операцией.

А-Жу поставила рядом медное зеркало — круглую, отполированную до блеска пластину в резной оправе. Оно немного искажало, но показывало главное.

Кожа на лице была ей знакома: та же, что в маленькой ванной её земной квартиры. Но глаза... казались чужими.

Лицо было её: прямой нос, мягко очерченные губы, чуть расширенный разрез тёмных глаз, знакомая складка меж бровей, которая появлялась, когда она слишком долго не спала. А взгляд — другой.

Там, где раньше был усталый, но собранный свет врача, теперь на дне зрачков сидело что-то ещё. Что-то от ночных колоколов, от двух лун, от тёмной дороги между мирами.

— Ваше Высочество... — раздался осторожный голос А-Жу. — Вы... очень... прекрасны этим утром.

Она явно хотела сказать что-то другое, но выбрала безопасное.

— И непривычны, — не удержалась Вэнь-мама. — Я... — она поспешно опустила глаза. — Простите, принцесса. Вам просто сильно досталось.

«Не только мне, — подумала Синь. — Похоже, и вам тоже пришлось привыкать к какой-то другой Юэ». Она всё ещё не знала, какой именно была прежняя принцесса, но шёпоты ночи и осторожные взгляды уже подсказывали: явно не тихой.

— Мне и самой непривычно, — произнесла она. — Так что мы квиты.

А-Жу вскинула на неё глаза, в которых мелькнуло одновременно облегчение и удивление.

— Вэнь-мама, — сдержанно сказала она, когда Синь чуть отвернулась, — она... как будто другая.

— После Ночной Черты никто не возвращается прежним, — отрезала та. — Молись, что эта «другая» окажется для дома Е благом, а не бедой.

Когда Линь Синь одели — сначала в нижние, мягкие слои, затем в тёмно-синее платье с вышитой луной, а поверх — в накидку, — за дверьми раздался характерный стук: костяшки об дерево, чёткий, отмеренный.

— Войдите, — сказала Синь, уже понимая, кто это.

В комнату тихо вошёл худой мужчина в тёмном, почти чёрном одеянии. Его лицо было узким, губы — тонкими, глаза — внимательными и бескровными. Он поклонился не слишком низко, но достаточно, чтобы подчеркнуть уважение.

— Ваше Высочество, — произнёс он. — Ли Сюнь к вашим услугам. Вчера вы, возможно, слышали: меня называли Ли-гун. Так меня зовут во дворце. Я ведаю внутренними покоями.

«Главный администратор ада, только без рожек», — автоматически пошутила про себя Синь.

— Принцесса чувствует себя достаточно хорошо, чтобы выслушать новости? — уточнил Ли Сюнь глядя то на неё, то на Вэнь-маму.

— Если новости не требуют снова умирать, думаю, справлюсь, — сказала Синь.

Ли Сюнь на секунду замер, будто примеряя фразу на прошлую принцессу Юэ. Лёгкая складка у губ, лёгкое удивление — и всё исчезло.

— Император благословил ваше возвращение, — произнёс он вежливо. — Но из-за дел при дворе не сможет навестить вас сегодня утром. Он велел передать, что рад, что договор... — он на миг запнулся, — то есть дом Е, по милости Небес, всё ещё цел.

Слово «договор» зацепилось в памяти Синь как заноза.

«С каким именно договором, интересно, по его мнению, связана её жизнь?»

— Понимаю, — кивнула она. — И?

— Старшая принцесса Е Мэй просила позволения навестить вас в павильоне Пристани Снега, — продолжил Ли Сюнь. — Она уже выехала из своих покоев. Если ваше здоровье позволяет, слуги могли бы сопроводить вас туда.

Есть много вещей, к которым Линь Синь привыкла в больнице: утренние обходы, неожиданные совещания, родственники пациентов. Она не была готова к «старшая принцесса просит позволения навестить». Но откладывать встречу бессмысленно. Отношения с сестрами, судя по всему, были частью диагноза.

— Моё здоровье позволяет, — сказала она. — Если не придётся бежать.

А-Жу чуть слышно хихикнула, тут же прикрыв рот ладонью. Вэнь-мама одарила её ледяным взглядом, но уголки губ у самой чуть дрогнули.

— Я распоряжусь, — сказал Ли Сюнь. — Во дворе скользко. Первый снег... — он бросил взгляд к окну, — всегда меняет многое.

Глава 5. Павильон Пристани Снега.

Путь до павильона Пристани Снега был недолгим, но выматывающим. Каменные плиты двора покрылись тонкой влажной пленкой, на которой первые снежинки превращались в воду. Воздух был прозрачным, холодным, колючим. Вид дыхания, вырывающегося паром, почему-то напомнил Синь ночные операции зимой, когда врачи выходят на улицу после смены и вдруг понимают, что мир живёт в другом климате.

Павильон стоял у края пруда. Вода ещё не взялась льдом, но уже была тяжелее, темнее. Ветви ивы свисали над гладью, слегка дрожа от ветра.

Внутри было теплее: жаровня, циновки, низкий столик. У столика, в пол-оборота к входу, сидела женщина в светлом платье. Её волосы были уложены сложнее, чем у Синь, в них блестяли шпильки с нефритом. Лицо — тонкое, правильное, как у фарфоровой статуэтки, которую не ставят на край полки. В её чертах было что-то от отца, возможно — та же холодная линия рта.

Е Мэй, без сомнения.

При виде Синь она поднялась. Медленно, с достоинством и чуть наклонила голову. Не слишком низко, но достаточного, чтобы жест можно было считать приветствием, а не поклоном.

— Младшая сестра, — сказала она. Голос был мягким, но в нём пряталась сталь. — Небесам было угодно вернуть тебя дому Е.

«А тебе — насколько угодно?» — проскользнула мысль.

— Старшая сестра, — ответила она. — Небесам, видимо, сейчас мало развлечений.

Брови Е Мэй чуть дрогнули. На секунду в её глазах вспыхнул удивлённый огонёк — та самая реакция, которую Синь уже видела у Ли Сюня. «Принцесса Юэ, похоже, раньше так не шутила», — отметила она.

— Ты... иначе говоришь, — произнесла Мэй.

— Я вернулась после Ночной Черты, — мягко ответила Синь. — Говорят, после неё люди меняются.

Мэй слегка улыбнулась. Улыбка получилась красивая, но не тёплая.

— Некоторые меняются не в лучшую сторону, — сказала она. — В прошлый раз, когда ты нарушила Ночную Черту, отец едва не лишился сна. Советники шептались, что дом Е может потерять договор. А ты... — она чуть склонила голову, — ты смеялась над их страхами.

Синь молчала. Ей не на что было опереться: память о том, что делала прежняя Юэ, зияла провалом.

— Какой договор? — спросила она максимально спокойным голосом. — Я... не всё помню, старшая сестра. Иногда в словах остаются только контуры.

Мэй на миг замолчала, взгляд её стал холоднее.

— Ночные договоры не обсуждают в павильонах, — мягко, но твёрдо сказала она. — Тем более вслух. Тем более в первый день после твоего возвращения.

Она словно поставила невидимую точку — не в конце фразы, а на линии, которую Синь пока не могла переступить.

— Я... сейчас плохо помню ту ночь, — призналась она, не сводя с Мэй взгляда. — Но, если я... — она на секунду взяла паузу, подбирая слова, — приносила дому Е одни только тревоги, возможно, это хороший шанс изменить что-то, пока первый снег ещё только начал падать.

Слова прозвучали почти дипломатично. Внутри она чувствовала себя студенткой на экзамене, где выдают билеты по жизни другого человека.

Мэй смотрела на неё какое-то время. Взгляд был оценивающим, изучающим.

— Ты говоришь так, будто собираешься стать другой, — наконец произнесла она. — Но у этого есть цена, младшая сестра. Дом Е любит стабильность. Даже если эта стабильность — твоя дурная слава.

«Дом Е любит, когда принцесса ведёт себя предсказуемо», — снова перевела Синь.

— А ты чего хочешь? — спросила она неожиданно для самой себя. — Как старшая сестра. Чтобы я осталась прежней — или всё-таки вернулась чуть менее... опасной?

Глаза Мэй на миг блеснули чем-то похожим на усталость.

— Как старшая сестра, — тихо сказала она, — я хочу, чтобы дом Е простоял эту зиму. А всё остальное... — она чуть отвела взгляд в сторону пруда, — всё остальное уже давно отдали Ночному договору.

В павильоне на секунду воцарилась тишина. Где-то снаружи птица вспорхнула с ветки, уронив в воду несколько снежинок.

Синь вдруг очень ясно почувствовала, как между ними — двумя женщинами, связанными кровью и политикой — пролегает та самая Ночная Черта. Не такая, как на улицах, но своя: невидимая линия, по одну сторону которой — семья, по другую — договоры, страхи и ожидания.

— Тогда, — сказала она, — давай хотя бы попробуем сделать так, чтобы этой зимой дом Е стоял не на моих костях.

Мэй хмыкнула. Лёгкий, почти незаметный звук.

— Принцесса Юэ, вернувшаяся с Ночной Черты с таким языком... — произнесла она. — Это будет интересная зима.

Мэй смотрела на неё слишком изучающе — как опытный врач на пациента, который внезапно стал меньше скандалить и больше задумываться. По собственному опыту Синь знала: когда люди резко меняются, это либо к лучшему, либо к опухоли.

— Ты и правда не помнишь? — тихо спросила Мэй. — Ни ту ночь, ни прошлые?

«Прошлые? У вас это что, регулярная процедура — гулять под Ночной Чертой?» — подумала Синь.

Вслух она осторожно сказала:

— Я помню... фрагменты. Звук колоколов. Темноту за воротами. Ощущение, что я... — она чуть прищурилась, подбирая слова, — что я шагнула не туда. Остальное — как сон под жаром. Куски, обрывки.

Это было не так уж далеко от правды. Только темнота за воротами была другой — с асфальтом, корочкой льда и повозкой, пришедшей из ниоткуда.

Мэй медленно опустилась обратно на циновку, пригласила жестом Синь сесть напротив. В её движениях не было сестринской мягкости — скорее манера человека, который привык принимать послов и чиновников.

Синь села, стараясь не выдать, как болят ребра.

— Тогда, может быть, это и к лучшему, — сказала Мэй. — Ты всегда любила ночи сильнее, чем день. Сначала сбегала в сад, потом — к воротам, потом... — угол её губ дёрнулся. — Потом тебе стало мало садов и ворот.

— Я выходила за Ночную Черту, — осторожно подтвердила Синь, будто спрашивая.

— Дважды. — Мэй подняла два тонких пальца. — Первый раз тебя вернули раньше, чем ударил первый колокол. Ты была... — она помолчала, подбирая слово, — странной. Тихой. Потом стала ещё хуже, чем была: капризной, злой, всех цепляла. Словно ночью кто-то разболтал внутри тебя всё, что и так было неуклюже построено. Второй раз... — она замялась. — Второй был вчера.

«Отлично, — отметила Синь. — Значит, у меня за плечами уже есть опыт “ходок за Ночную Черту” и избирательной амнезии. И кто-то там, в ночи, явно любит эксперименты».

Она наклонилась вперёд, сохраняя в голосе вежливую ровность:

— Зачем я... уходила? Я что, так сильно люблю напугать весь двор?

Мэй чуть сузила глаза.

— Раньше ты говорила, что хочешь доказать, что Ночная Черта — всего лишь страшилка для слуг, — произнесла она. — Что демоны существуют только в молитвах. Что тебе не страшно. А потом... — Мэй скрестила пальцы на коленях. — Потом ты говорила, что ночью тебе легче дышать, чем днём. Что за Чертой тебя «слушают» лучше, чем во дворце. Ты, Юэ, всегда была уверена, что понимала Ночь лучше, чем люди.

Синь сжала пальцы так, чтобы не выдать, как отозвалось внутри слово «слушают». Слишком уж знакомым был этот глагол — так говорили её пациенты, у которых дома никто не слушал жалоб, а вот она в кабинете слушала всё: и сердце, и слова, и то, чего они не говорили.

Только здесь, похоже, роль «понимающего» хотела забрать себе сама Ночь.

— А почему тогда... — она на секунду задумалась, как спросить и не выдать, что вообще не знает дворцовой арифметики, — почему, если от меня столько хлопот, меня не... отпустили? Не отправили в монастырь, не выдали замуж за первого попавшегося князька где-нибудь подальше от Ночной Черты?

Мэй тихо рассмеялась. Смех был негромким, но без веселья.

— Ты правда ничего не помнишь, раз задаёшь такие вопросы, — сказала она. — Ты — дочь дома Е. Младшая, нелюбимая, скользкая как знак в пророчествах, но всё-таки дочь. И, к несчастью или к счастью, твоя жизнь... слишком связана с Ночным договором, чтобы просто «отпустить тебя» куда-то.

Синь поймала это «слишком связана» и аккуратно положила в мысленный ящик с вывеской «основные загадки». Туда же отправились слова про «пророчества», «договор» и всё, что касалось её жизни как чего-то, за что кто-то там наверху или внизу держится.

— То есть... — медленно произнесла она, — если я исчезаю за Ночной Чертой, это... кого-то пугает больше обычного?

Мэй помолчала, потом кивнула.

— Когда ты пропала, — сказала она, — двор умолчать не смог. Астрологи шумели, советники спорили, отец... не спал. Люди шептались в коридорах. Ты можешь сколько угодно думать, что тебя здесь не любят, Юэ. Возможно, так и есть. Но тебя боятся терять. А страх иногда крепче привязанности.

«Боятся терять или боятся последствий?» — уточнила про себя Синь.

Вслух она лишь пожала плечами — насколько позволяли ребра.

— Я пока что только пытаюсь понять, — сказала она. — Что в этой истории моё, а что — чужие страхи и легенды. Было бы неправильно... — она чуть усмехнулась, — вернуться и сразу же испортить дом Е окончательно.

Мэй откинулась чуть назад. В её глазах промелькнуло что-то, похожее на интерес — настоящий, не политический.

— Раньше ты никогда не говорила «правильно» и «неправильно» в отношении дома Е, — произнесла она. — Ты говорила «скучно» и «брезгливо». И о том, что если Ночь зовёт, её нельзя заставлять ждать.

Синь коротко выдохнула. «Спасибо, прошлая версия меня. Отличные формулировки».

— Видимо, Ночная Черта всё-таки научила меня чему-то, — сказала она. — Возможно, в этот раз.

Она сознательно не дала разговору уйти дальше. Вместо этого задала вопрос, который можно было списать на любопытство, а не на расследование собственной биографии:

— Ты часто... встречалась с Ночной Чертою? — она перевела взгляд на окно, где редкие снежинки прилипали к деревянной раме. — Или это была моя... особенная привилегия?

Мэй чуть заметно вздрогнула.

— Я не из тех, кого зовёт Ночь, — коротко ответила она. — Мне хватает дневных залов, аудиенций и договоров. Ночная Черта — не игрушка, Юэ. Ни для тебя, ни для меня.

— Но для меня, похоже, она была более настойчива, — мягко поддела Синь.

Мэй промолчала. Вместо ответа она поправила складку на рукаве, будто выравнивая невидимую трещину.

— Сегодня, — произнесла она, явно сменив тему, — к тебе придёт командующий ночной стражей.

Синь почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, словно кто-то ладонью коснулся ребра изнутри.

— Командующий ночной... — она сделала вид, что подбирает слово, — стражей? Зачем?

— Ему нужно убедиться, что ты вернулась целой, — сказала Мэй. — По правилам, любой, кто пересёк Ночную Черту и остался жив, — предмет особого интереса стражи. Кроме того... — в её голосе мелькнуло что-то похожее на раздражение, — он был назначен следить за твоими ночными привычками ещё до твоего исчезновения. Можешь счесть, что его обязанности не закончились.

«Назначенный надзиратель, — отметила Синь. — Отлично. Кардиохирург с внутренней службой охраны».

— И как к нему относиться? — буднично спросила она. — Как к палачу, как к охраннику или как к чиновнику?

Мэй чуть усмехнулась.

— Как к ножу, — сказала она. — Полезен, пока остро наточен и лежит на нужной стороне стола. Лучше не хватать за лезвие.

Это сравнение было слишком близко дому, в котором она провела столько лет. Нож. Стол. Сталь.

— Его имя? — уточнила Синь, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

— Ты его знаешь же, — ответила Мэй. — Но, если память играет с тобой... Командующий ночной стражей — Лян Чжоу.

Имя отозвалось где-то в глубине — не как воспоминание, а как пустое место, которое кто-то когда-то пытался заполнить.

"Лян Чжоу," — повторила мысленно Синь.

— Постарайся не говорить с ним так, как ты говоришь со мной, — добавила Мэй уже тише. — У него чувство юмора... ещё хуже, чем у отца.

— Я пока и не очень говорю, — сухо заметила Синь. — Я больше слушаю.

Мэй на секунду задержала на ней взгляд — долгий, оценивающий, как если бы пыталась решить, кто перед ней: прежняя младшая сестра или кто-то другой, но в её облике.

— Это уже новость, — сказала она. — Принцесса Юэ, которая слушает, а не бросается словами. Если Ночь вернула нам кого-то другого в твоём лице... — она не закончила фразу, только медленно вдохнула. — Посмотрим, чем это обернётся.

Она поднялась.

— Отдыхай. Лекарь сказал, что твои силы ещё не вернулись. Пусть А-Жу и Вэнь-мама будут при тебе. Когда Лян Чжоу придёт — ты поймёшь, что Ночная Черта не заканчивается на воротах дворца.

С этими словами она вышла, оставив в павильоне запах лёгких духов и невидимый след, словно линия на льду, по которой уже прошли коньки.

Когда Мэй ушла, в павильоне стало сразу просторнее и холоднее. Синь осталась сидеть, глядя в окно. Снег за стеклом по-прежнему падал нерешительно — по одной снежинке, по две. На воде пруда они таяли, оставляя круги.

Она опустила взгляд на своё запястье. Тёмная линия всё так же пересекала кожу — ровная, непонятная, словно её провели инструментом, который она ещё не знала.

«Итак, — подумала Синь, будто составляя план операции. — Исходные данные:

— Линь Синь, кардиохирург, оказалась в теле принцессы Юэ... или в её жизни.

— Принцесса Юэ уходила за Ночную Черту минимум дважды.

— Двор боится её исчезновения.

— Есть Ночной договор, о котором шепчутся, но вслух не говорят.

— И есть Лян Чжоу, командующий ночной стражей, которому почему-то важно, в каком виде я вернусь».

Она перевела взгляд на воду.

«Пока что никто не знает, кто именно вернулся, — добавила она. — И я не обязана рассказывать об этом первой».

Доверять себе она научилась давно. Доверять другим — с тех пор, как видела слишком много чужих обещаний в реанимации, — так и не научилась.

Она подтянула полы накидки, спрятала руки в рукава и позволила себе сделать то, чего почти никогда не делала в больнице — подождать.

Глава 6. Сильный. Опасный. Уверенный.

В Павильоне было тихо.

Тишина здесь не давила, а просто существовала как вода в глубоком сосуде, не требуя внимания.

Чуть позже вошла девушка. Она двигалась почти бесшумно, будто заранее знала, где не скрипят половицы. Тёмная одежда без украшений, волосы убраны просто, лицо спокойное и пустое — из тех, что трудно вспомнить уже через минуту.

Она поставила на столик поднос, молча поклонилась и исчезла так же быстро, как появилась, не задавая ни единого вопроса.

На подносе было немного: чашка тёплого рисового отвара, ломтики белого корня, тушёные до прозрачности, и маленькая тарелка с рыбой, приготовленной на пару. Ни специй, ни резких запахов — еда для больных или для тех, кому не доверяют.

Синь невольно отметила: ничего острого, ничего тяжёлого, ничего, что могло бы скрыть привкус яда.

Она поднесла чашку к губам, но не спешила пить. Сначала вдохнула — осторожно, почти незаметно. Травы чувствовались мягко, без горечи.

«Если и отравлено, — подумала она, то умно. Медленно. Не для того, чтобы убить сразу».

Эта мысль не испугала. Скорее — успокоила. Значит, пока она нужна живой.

Синь сделала первый глоток.

Тёплый отвар медленно разлился по горлу, осел в груди. Тело отозвалось не облегчением, а согласием — будто признавая: да, можно пока оставаться здесь. Она выпила ещё немного, затем отставила чашку и стала не торопясь доедать остальное. В больнице она давно усвоила: еда — это тоже наблюдение.

Она ждала.

Когда свет за окнами стал ровнее, а утро окончательно потеряло свою зыбкость, за ней пришла А-Жу.

Служанка остановилась у входа в Павильон, сложив руки перед собой, как полагалось, но дыхание у неё было слишком быстрым. Щёки — розовые, будто от холода.

— Принцесса, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — Вас просят вернуться в покои. Там... вас будет ожидать командующий стражей.

Слово «командующий» она произнесла так, будто это был не человек, а болезнь.

Линь Синь молча кивнула.

Они вышли из Павильона вместе.

Снаружи воздух казался другим: резким, свежим, с металлическим привкусом холода.

А-Жу шла чуть позади, стараясь не наступать слишком близко, но и не отставать. Синь заметила это сразу. Такая дистанция была знакома: так держатся рядом с пациентом, чьё состояние может ухудшиться в любой момент.

По дороге им попадались люди: слуги, стражники, посыльные. Никто не кланялся слишком низко. Никто не смотрел прямо в глаза. Но почти каждый останавливался.

Синь чувствовала это кожей: мгновенную паузу, едва заметное напряжение в спинах, взгляд, который скользил по ней — быстро, осторожно, словно проверяя, на месте ли всё.

"Меня сверяют с чем-то", — подумала она. "С образом. С ожиданием."

Один из стражников у поворота слишком поспешно опустил голову, и его рука дрогнула на древке копья. Другой, напротив, смотрел прямо перед собой, так напряжённо, что это казалось почти вызовом. Ни один из них не был равнодушен.

— Они всегда так смотрят? — спросила Синь негромко.

А-Жу вздрогнула, словно её застали за проступком.

— К-кто?.. — она замялась. — Стража? Сегодня... да. Сегодня особенно.

Синь не стала уточнять почему.

Коридоры сменялись двориками, дворики — крытыми переходами. Где-то журчала вода, где-то звенел металл. Дворец жил своей жизнью, но в этой жизни для неё было отведено особое, заметное место.

Она поймала себя на странной мысли:

"Если я исчезну сейчас, это будет проблемой, но не трагедией."

Покои встретили её тишиной.

Здесь было тепло, но не уютно. Воздух словно застыл ожидая. А-Жу помогла снять накидку, аккуратно её повесила, а потом остановилась у двери, не решаясь уйти.

— Ты можешь идти, — сказала Синь.

— Я... — А-Жу сжала пальцы. — Мне велели быть рядом, если...

— Если что? — спокойно спросила Синь.

Служанка покачала головой.

— Если что-нибудь понадобится, зовите, — закончила она наконец и выскользнула за дверь.

Линь Синь осталась одна.

Она прошла по комнате, отметив выходы, ширмы, окна. Привычка, от которой невозможно избавиться. Потом остановилась у окна.

Снег усилился. Первый настоящий снег — тихий, нерешительный, будто сам не был уверен, что ему позволено падать.

"Командующий стражей", — подумала Синь. "Значит, разговор будет не о здоровье."

Она выпрямилась, когда за дверью послышались шаги.

Медленные. Тяжёлые. Уверенные.

Такие шаги делают люди, которые знают: им точно откроют.

Дверь распахнулась без стука.

В покои вошёл мужчина в тёмном доспехе, поверх которого был накинут плащ цвета мокрого камня. Снег ещё не успел растаять на его плечах. Он не спешил стряхнуть его — будто хотел, чтобы холод вошёл вместе с ним.

Он не поклонился. Лишь склонил голову ровно настолько, чтобы жест можно было истолковать как признание статуса, а не уважение.

— Принцесса Юэ, — произнёс он.

Голос был низким, сухим, без интонаций. Таким голосом отдают приказы, а не задают вопросы.

Синь отметила сразу: этот человек не из тех, кто повышает голос. Ему не нужно.

— Командующий, — ответила она так же ровно.

Он чуть прищурился.

Это была первая трещина — едва заметная, но настоящая.

— Вы выглядите... спокойнее, чем я ожидал, — сказал он после короткой паузы. — После Ночной Черты.

"Ты ожидал истерики? Дерзости?" — подумала она. "Или просто хотел убедиться, что я всё ещё та, кого можно опасаться?"

— Возможно, я просто устала удивлять, — сказала Синь. — Ночь была долгой.

Командующий сделал шаг вперёд. Один. Этого оказалось достаточно, чтобы пространство в комнате изменилось — как меняется воздух перед грозой.

— Вы всегда находите слова, которые не отвечают на вопрос, — произнёс он. — Раньше вы делали это громче.

Вот оно.

Он помнил Юэ. Ту самую.

— Возможно, раньше я больше старалась, — ответила она. — Сейчас — нет.

Командующий приблизился и остановился совсем близко: достаточно, чтобы его присутствие заполнило пространство между ними. Он смотрел внимательно, не скрывая оценивающего взгляда. Не на лицо — глубже. Так смотрят на оружие: не любуясь, а проверяя, не дало ли оно трещину.

Синь наконец отвернулась от окна.

Она посмотрела на него по-настоящему — не мельком, не украдкой, а так, как привыкла смотреть перед операцией, когда счёт идёт на минуты.

И сразу почувствовала знакомое, почти рефлекторное напряжение. То самое, профессиональное, когда взгляд цепляется за деталь раньше, чем разум успевает назвать её вслух.

Линия скулы.

Ровный, слишком правильный нос.

Чуть заметная асимметрия в движении плеча — след старой травмы, давно зажившей, но не забытой телом.

«Нет...»

Она замерла, не отводя глаз.

Это было невозможно — и всё же слишком точно.

Она вспомнила тот образ: чёрные волосы, слипшиеся от крови, бледная кожа и слишком спокойное лицо для того количества боли.

Мужчина перед ней был живым, сильным, цельным. Но под доспехом угадывалось то же тело, которое она держала между жизнью и смертью несколько ночей назад.

«Это он. Точно он».

Мысль не вспыхнула — она опустилась тяжёлым грузом, оседая где-то глубоко внутри. «Красивый», — отметила она неожиданно отстранённо.

Не так, как любят. А так, как врач фиксирует: пропорции, целостность, отсутствие лишнего.

Он заметил её взгляд.

— Что-то не так, принцесса? — спросил он, и в голосе впервые мелькнуло лёгкое раздражение.

"Он не узнал меня", — поняла Синь.

"Конечно. Для него я — Юэ. Для меня он — пациент. Был."

— Вы просто... — она сделала паузу, позволив себе старую привычку подбирать слова так, чтобы они не выдавали мыслей, — отличаетесь от того образа, о котором рассказывают.

Это была правда. Просто не вся.

Командующий усмехнулся.

— Мне не платят за то, чтобы нравиться.

"А мне не платят за то, чтобы говорить", — подумала она.

Она могла сказать. Одним словом. Одной фразой.

«Я вас оперировала.»

«Вы должны были умереть.»

Но тогда мир бы сдвинулся слишком резко. А она ещё не знала, на чём он держится.

Поэтому Синь промолчала.

— Ночная Черта не меняет сути, — сказал он наконец. — Она лишь обнажает её. Поэтому мне всего лишь нужно знать: вы помните, что произошло той ночью?

Синь почувствовала, как внутри всё собирается в узел. В больнице такие вопросы задавали иначе, но с тем же смыслом: помните ли вы момент, который мог вас убить?

— Я помню фрагменты, — сказала она честно. — Дорогу. Холод. Страх. Остальное — как за стеклом.

— Вы помните, почему оказались за Чертою?

Она выдержала паузу. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы ответ не выглядел ни ложью, ни признанием.

— Если бы я знала, — сказала она, — думаю, вам бы сообщили раньше меня.

Командующий усмехнулся. Без радости.

— Всё такая же, — произнёс он тихо. — Скользкая. Невоспитанная. Думающая, что дерзость заменяет разум.

Он наклонился чуть ближе.

— Позвольте напомнить, принцесса: Ночная Черта существует не для вашего любопытства. Она — граница договора. И каждый ваш шаг за неё... — он сделал короткую паузу, — оплачивается.

— Тогда, — спокойно сказала Синь, — возможно, вам стоит объяснить условия оплаты. Я не люблю сюрпризы.

Командующий выпрямился. Несколько секунд смотрел на неё молча.

— Вы не изменились настолько, чтобы это меня успокоило, — сказал он наконец. — Но и не настолько, чтобы я мог действовать прямо сейчас.

"Пока" — ясно прозвучало между строк.

— Отдыхайте, принцесса Юэ. — Он развернулся к двери. — Зима длинная. А дом Е... — он задержался на пороге, — не может позволить себе ещё одну ошибку. Но если и позволит — меня это не волнует.

Дверь закрылась за ним глухо, окончательно.

И он ушёл, не зная, что однажды уже лежал перед ней — беспомощный, с разрезанной грудью, доверив ей своё сердце.

Синь выдохнула только тогда, когда шаги растворились в коридоре.

"Сильный. Опасный. Уверенный, что знает правила игры", — отметила она.

"Проблема лишь в том, что я в эту игру не играла. Я в ней проснулась."

Глава 7. Лекарский корпус.

Тишина снова вернулась в покои, но уже другая. Настороженная, будто сама комната прислушивалась.

Синь осталась стоять там же, где её оставил командующий ночной стражей. Несколько секунд. Потом медленно выдохнула.

Руки её дрожали едва заметно, но честно. Она сжала пальцы в кулаках, заставляя тело вспомнить простую вещь: она жива. Пока.

"Он должен был умереть", — подумала она без эмоций. Не как упрёк, а как медицинскую констатацию.

"Значит, в этом мире смерть тоже умеет ошибаться."

За дверью послышались шаги. На этот раз — лёгкие, осторожные.

— Принцесса, — А-Жу вошла почти бесшумно. — Вам... передали.

В её руках была узкая дощечка из тёмного дерева, перевязанная бардовым шнуром. На ней печать — простая, без украшений. Но Синь почувствовала, как в груди неприятно стянуло ещё до того, как она её разглядела.

— От кого? — спросила она.

А-Жу опустила глаза.

— Из Внутреннего дворца.

Этого было достаточно.

Синь медленно подошла к А-Жу и взяла дощечку. Дерево оказалось холодным, словно его держали на снегу.

"Её Высочеству Юэ предписывается завтра, с первым ударом колокола, явиться к Его Величеству."

Ни подписи. Ни объяснений.

Только знак рода Е внизу — вырезанный глубоко, почти агрессивно.

"Почему он тянет?" — мелькнула мысль. — "Если я так нужна, почему не сразу?"

— Я могу идти? — тихо спросила А-Жу.

— Да.

Служанка задержалась на пороге.

— Принцесса... — она запнулась. — Говорят, вы вернулись вовремя.

Синь подняла на неё взгляд.

— Вовремя для чего?

А-Жу побледнела.

— Для... — она сглотнула. — Вы скоро сами всё поймёте.

Поклонилась и исчезла за дверью.

Синь осталась одна.

Она вновь подошла к окну, но не смотрела наружу. В стекле отражалось её лицо — спокойное, собранное, почти чужое.

Дворец вокруг жил своей размеренной жизнью: где-то закрывались створки, перекликались голоса. По галереям тянуло тёплым дымом светильников. Всё казалось устойчивым, выверенным, будто здесь никогда не происходило ничего внезапного.

День, как и вечер пролетел почти незаметно.

Синь не смогла бы сказать, чем именно он был заполнен: ужином, который она почти не почувствовала, сменой служанок, приглушёнными голосами за ширмами. Время текло вязко, как лекарственный сироп — без вкуса, но с обещанием последствий.

Она позволила себе лечь рано. Не потому, что хотела спать, а потому что не видела смысла бодрствовать.

Сон не приходил.

Синь лежала неподвижно, глядя в темноту под пологом, и слушала, как дворец дышит. Где-то далеко скрипели балки, негромко переговаривались стражи, по карнизам шуршал ветер — осторожно, будто перебирая пальцами по камню.

Тело было уставшим, но разум — слишком ясным.

"Завтра к Императору ", — подумала она.

Мысль не вызвала страха. Только тяжесть. Такая же, как перед сложной операцией, когда исход уже не в руках судьбы, но ещё и не в руках врача.

На мгновение всплыло другое: узкая кухня, тусклый свет над раковиной, кружка с недопитым чаем на краю стола. Её квартира. Мир, где ночь была просто ночью, а не паузой перед вопросом.

Она знала это состояние.

В больнице оно приходило перед тяжёлыми дежурствами: когда сон становился не отдыхом, а короткой остановкой перед неизбежным.

Синь поднялась, накинула тёплую накидку и вышла из покоев, не вызывая служанок. В этом крыле дворца ночные переходы не запрещались, а лишь не поощрялись. Для тех, кто знал распорядок, двери оставались условной преградой.

Коридоры ночью выглядели иначе.

Днём — выверенные, парадные, подчёркнуто правильные.

Сейчас же тени ломали симметрию, свет фонарей дрожал, и дворец казался не сооружением, а живым организмом, внутри которого она случайно оказалась.

Она шла медленно, позволяя телу выбирать путь.

И вдруг остановилась.

Запах.

Слабый, едва уловимый, но слишком знакомый, чтобы ошибиться. Горечь трав, тёплый металл, лёгкая кислинка... кровь. Не свежая. Уже начинающая остывать.

— Конечно, — пробормотала она. — Куда же ещё.

Лекарский корпус прятался в стороне от парадных павильонов. Низкие крыши, узкие окна, свет — жёлтый, живой, не дворцовый. Здесь не было тишины: кто-то торопливо шагал, кто-то ругался вполголоса, звякали металлические чаши.

У входа её попытались остановить.

— Принцесса, сюда нельзя...

Это был молодой страж, казалось слишком новый для ночных смен. Он говорил по уставу, но неуверенно. Синь взглянула на него, и он замолчал, не договорив. Не из страха. Скорее из растерянности, будто забыл, зачем вообще открыл рот.

— Я не помешаю, — спокойно сказала она. — Я всего лишь посмотрю.

Он отступил, сам не понимая почему.

Внутри было тесно. Один лекарь, двое помощников, густой запах дыма и трав — как плотный туман. На низком столе лежал человек — молодой, худой, в одежде посыльного. Лицо серое, губы с синеватым оттенком. Грудь поднималась рывками, будто он забывал дышать.

— Что с ним? — спросила Синь, уже подходя ближе.

— Мы... не знаем, — ответил лекарь. Голос усталый, на пределе. — Его принесли час назад. Ни явных ран, ни признаков яда. Сначала слабость, потом судороги, сейчас... — он замялся. — Сердце ведёт себя неправильно.

Синь уже смотрела.
Не глазами принцессы.
Глазами врача.

— Переверните его, — сказала она.

— Простите?

— На бок. Медленно.

Они заколебались, но всё же подчинились.

Синь положила пальцы на шею посыльного. Пульс был рваный, сбивчивый, будто сердце пыталось подстроиться под чужой ритм.

— Это не яд, — сказала она. — И не проклятие.

— Тогда что?

Синь нахмурилась.

— Насильственное вмешательство, — тихо сказала она. — Внутреннее. Его тело использовали как проводник. Слишком грубо.

Лекари переглянулись.

— Принцесса, — осторожно начал лекарь, — вы говорите вещи, которым нас не учили.

— Я знаю, — ответила она. — Дайте мне чистую ткань. Горячую воду. И нож.

— Нож?!

— Острый, — уточнила она. — Очень.

В комнате повисла тишина.

— Вы с ума сошли... — прошептал помощник.

Синь подняла голову.

— Он умрёт через несколько минут, если вы продолжите делать то, что делали. — Она сделала паузу, — А если послушаете меня, возможно и не умрёт.

В её голосе не было ни угрозы, ни надежды. Только факт.

Нож ей дали.

Она работала быстро. Точно. Разрез — минимальный, в месте, куда они бы не решились даже смотреть. Из-под кожи выступило нечто тёмное, плотное, словно сгусток застывшей тени — и лекарь отшатнулся.

— Это... невозможно...

— Возможно, — сказала Синь. — Просто вы никогда с этим не сталкивались.

Она прижала ткань, надавила, заставляя тело избавиться от чужеродного. Посыльный вскрикнул. Коротко, хрипло. И вдруг дыхание выровнялось.

Сердце перестало рваться.

Тишина в комнате стала оглушающей.

— Он... — кто-то не договорил.

— Он жив, — сказала Синь. — Пока.

Она выпрямилась и только тогда почувствовала дрожь — запоздалую, честную.

Лекари смотрели на неё так, будто видели впервые. Будто перед ними стояла не принцесса и не гостя дворца, а нечто иное. Опасное. Непонятное.

— Кто вы?.. — прошептал лекарь.

Синь посмотрела на свои руки. На пятна крови: слишком тёмные для этого света.

— Та, кто не умеет смотреть, как умирают, — сказала она и вдруг поняла:
теперь её заметили.

Глава 8. Утро Внутреннего дворца.

Утро во Внутреннем дворце начиналось неспешно.

Император проснулся задолго до рассвета. Он лежал в темноте, слушая дыхание дворца. Возраст научил его не доверять долгому сну: в утренней тишине мысли звучали чище, чем в любое другое время. Он лежал неподвижно, прислушиваясь.

Вскоре небо начало бледнеть, и свет осторожно просочился сквозь окна. Он не будил, а напоминал о начале дня.

Дворец уже дышал. Тихо, осторожно. Где-то открывали двери, глухо ступали стражи, шуршали метлы по камню. Этот знакомый ритм был частью власти: мир начинал движение потому, что ему позволяли двигаться.

Сегодня ритм звучал иначе.

«Она вернулась.»

Мысль была спокойной, почти сухой. Император повторил её про себя, проверяя, изменится ли ощущение. Не изменилось.

«Жива.»

Император медленно сел. Его движения были экономными — привычка человека, прожившего жизнь среди решений, где лишний жест считался слабостью. Лицо сохраняло чёткость черт несмотря на возраст: высокий лоб, спокойный взгляд тёмных глаз, серебро в висках. Это было лицо человека, которого привыкли слушать ещё до того, как он начинал говорить.

За ширмой уже ждали слуги — он знал это, даже не глядя. Они появятся ровно тогда, когда он позволит.

— Войдите.

Ширма разошлась бесшумно. Двое принесли воду, третий — одежду. Всё происходило как отрепетированный ритуал: точные движения, опущенные взгляды. Император позволил им работать, глядя в окно.

Сад был покрыт тонким серебром инея. Мир казался хрупким, как фарфор, который можно разбить одним неверным словом.

«Юэ...»

Он не видел её с той ночи.

Слишком многие говорили о страхе. О Черте. О невозможном возвращении. Он слушал и ждал подтверждения. Потому что власть не строится на вере. Она строится на проверке.

Она вернулась.

Живая.

Значит, порядок мира снова сдвинулся — пусть и едва заметно.

Когда слуги закончили, в покои вошёл старший евнух — бесшумно, как тень, давно привыкшая к своему месту.

— Ваше Величество.

Император не обернулся.

— Говори.

— Принцесса находится в своих покоях. Ночь прошла спокойно. Служанки сообщают...
— евнух выдержал паузу, — она ведёт себя иначе.

Император слегка прищурился.

— Иначе — как?

— Тише. Внимательнее. Без прежней вспыльчивости.

Его губы едва заметно дрогнули.

— Люди меняются после встречи со смертью.

Евнух промолчал — так, чтобы молчание звучало уважением, а не сомнением.

— Подготовьте малый зал для аудиенции, — сказал император. — Я приму её там.

Это был зал без показной пышности — место для разговоров, а не демонстраций. Старые росписи на стенах изображали битвы, договоры, принесённые клятвы — напоминание о том, на чём держится трон.

Евнух поклонился.

— И ещё. Сегодня вечером будет пир, — добавил император.

Евнух едва заметно поднял взгляд:

— В честь возвращения принцессы?

— В честь того, что наш дом избежал позора, — спокойно ответил император. — Радость — инструмент. Пусть двор её увидит.

— Будет исполнено.

Евнух уже собирался уйти, когда император произнёс:

— Ты тоже думаешь, что она изменилась?

Пауза.

— Я думаю, — осторожно сказал евнух, — что люди не возвращаются прежними оттуда, куда не должны были попасть.

Император повернулся к нему.

— Хороший ответ.

Он подошёл к окну.

— Усиль охрану у зала. Без показной тревоги. И... пусть командующий ночной стражей будет рядом.

Евнух поклонился глубже:

— Вы ожидаете неприятностей?

Император посмотрел на сад, где иней уже начинал таять.

— Я ожидаю правды, — сказал он. — А она редко приходит одна.

Евнух исчез так же тихо, как появился.

Император остался у окна.

«Юэ вернулась.»

И впервые за долгое время позволил себе короткую, почти человеческую мысль:

«Хорошо, что ты жива.»

А затем — другую, холоднее:

«Теперь посмотрим, кем ты стала.»

Малый зал аудиенций не создавался для впечатлений — он создавался для решений.

Слуги двигались быстро и бесшумно, будто любое лишнее движение могло нарушить хрупкое равновесие воздуха. На низких столах меняли ткань, выравнивали складки, поправляли светильники, проверяли ширмы. Всё должно было выглядеть естественно, а, значит, безупречно.

Старший евнух наблюдал лично.

— Свет мягче, — произнёс он негромко. — Его Величество не любит резких теней.

Фитиль приглушили.

Зал будто стал глубже. Тише. Каждая тень обрела вес.

У входа выстроились стражи, но не парадные, а боевые. Их присутствие не бросалось в глаза, но ощущалось кожей.

Командующий ночной стражей занял место у колонны. Он стоял неподвижно, как часть архитектуры. Лишь взгляд медленно скользил по залу, фиксируя малейшие изменения.

Он ждал.

Тем временем А-Жу поправила ворот накидки Синь уже в третий раз.

— Всё в порядке, — прошептала она.

Синь кивнула.

Внутри было спокойно. Не пусто — сосредоточенно. То редкое состояние, которое приходит перед сложным вмешательством: страх уже отработал своё и уступил место ясности.

«Это просто разговор», — сказала она себе.

«Разговор, в котором ставки выше жизни.»

— Пойдём.

Коридоры Внутреннего дворца казались длиннее обычного. Люди уступали дорогу молча. Кто-то склонял голову, кто-то отводил взгляд. Напряжение висело в воздухе — плотное, как перед грозой.

У дверей их остановили.

— Её Высочество, — произнёс евнух. — Его Величество ожидает.

Двери раскрылись.

Зал встретил принцессу тишиной.

Император сидел не на троне, а на низком возвышении — почти на уровне собеседника. Жест доверия... или способ лишить оппонента дистанции.

Синь остановилась и поклонилась. Чуть ниже, чем ожидала сама от себя.

На мгновение ей показалось, что движение принадлежит не ей.

Император смотрел.

Пауза затянулась. Намеренно.

Она чувствовала этот взгляд кожей — внимательный, расчётливый. Он измерял не внешность — устойчивость.

— Подойди ближе, Юэ.

Она подошла.

Теперь между ними оставалось расстояние, достаточное для разговора — и недостаточное для лжи.

Император изучал её: дыхание, положение плеч, реакцию на тишину.

— Ты изменилась, — произнёс он.

Не вопрос.

Синь выдержала его взгляд.

— Люди меняются, когда возвращаются оттуда, где не должны были оказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.